

дование победителями побежденных. Все это, как и предполагает Д. С. Лихачев, связывает Л с изобразительными традициями XV столетия.

Вместе с тем и весь характер миниатюр Л, и их композиция отличаются своими оригинальными чертами. Многие детали Л не находят себе соответствий в Радзивилловской летописи. В Л изображаются и двухоботные знамена, в то время как в Радзивилловской летописи только однооботные. В Радзивилловской летописи князь на троне, как правило, изображается с мечом в руках, в Л только Ольгерд изображен на троне с мечом. Во всех остальных случаях и Дмитрий, и Олег рязанский, и Ольгердовичи изображены на троне с посохом в виде длинной тонкой трости. В Л мы встречаем оружие в виде крюка на длинном древке, соответствия которому в Радзивилловской летописи нет.

Проследить более тщательно и подробно совпадения и отличия миниатюр Л от других древнерусских миниатюр, дать подробную и исчерпывающую характеристику их как произведений древнерусского изобразительного искусства — задача искусствоведов. Миниатюры лондонского списка «Сказания о Мамаевом побоище» должны в гораздо большей степени, чем это имело место до сих пор, заинтересовать историков древнерусского искусства. В какой-то степени, может быть, этому будет способствовать настоящая статья. Для историков же литературы миниатюры Л и характер взаимоотношений их с другими лицевыми списками «Сказания» представляют интерес не только как свидетельство огромной популярности у древнерусского читателя «Сказания о Мамаевом побоище», но, что уже было отмечено Д. С. Лихачевым,³¹ и как свидетельство раннего происхождения этого памятника древнерусской литературы.

³¹ Д. С. Лихачев. Текстология на материале русской литературы X—XVII вв., стр. 428.